

БРАТЬЯ
РАЗБОЙНИКИ.

БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ.

А. ПУШКИНА.

(ПИСАНО ВЪ 1822 ГОДУ.)

Из редких книг
Горюхин В.И.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕД.-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

1827.

Печатанъ позволяется съ представлениемъ 5 экзем-
пляровъ въ Цензурный Комитетъ для Казенныхъ
мѣстъ. Июня 9 1827 года. Книгу сю разматри-
валъ Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣт-
никъ и Кавалеръ

Иванъ Снегиревъ.

Не спая вороновъ сдѣшалась
На груды щѣюющихъ костей ,
За Волгой , ночью , вкругъ огней
Удалыхъ шайка собиралась .
Какая смѣсь одеждъ и лицъ ,
Племенъ , нарѣтій , состояній !
Изъ хапъ , изъ келій , изъ темницъ
Они спеклися для спляжаній !
Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердецъ —
Живушъ безъ власши , безъ закона .
Межъ ними зрится и бѣглецъ
Съ бреговъ воинственнаго Дона ,
И въ черныхъ локонахъ Евреи ,
И дикіе сыны спасей ,
Калмыкъ , Башкирецъ безобразной ,
И рыжій Финъ , и съ лѣнью праздной
Вездѣ кочующій Цыганъ !
Опасность , кровь , разврать , обманъ —
Сушь узы спрашнаго семейства ;
Топъ ихъ , кто съ каменной душой

Прошелъ всѣ степени злодѣйства ;
 Кто рѣжешь хладною рукой
 Вдовицу съ бѣдной спрошой ,
 Кому смѣши дѣшевъ спенанье ,
 Кто не прощаешь , не щадишь ,
 Кого убийство веселишь ,
 Какъ юношу любви свиданье.

Зашихло все , теперь луна
 Свой блѣдныи свѣтъ на нихъ наводишь ,
 И чарка пѣниаго вина
 Изъ рукъ въ другія переходишь .
 Просперши на землѣ сырой
 Иные чушко засыпаюши ,
 И сны зловѣщіе лешаюши
 Надъ ихъ преступной головой .
 Другимъ разсказы сокращаюши
 Угрюмой ночи праздный часъ ;
 Умолкли всѣ — ихъ занимаешь
 Пришельца новаго разсказъ ,
 И все вокругъ его внимаешь :
 « Насъ было двое : брашь и я .
 Роди мы вмѣстѣ ; цашу младость
 Вскормила чуждая семья :
 Намъ , дѣшамъ , жизнъ была не въ радость ;

Уже мы знали нужды гласъ ,
 Сносили горькое презрѣніе ,
 И рано волновало насъ
 Жестокой зависющіи мученье .
 Не осѣвалось у сиротъ
 Ни бѣдной хижинки , ни поля ;
 Мы жили въ горѣ , средь заботъ ,
 Наскучила памъ эша доля ,
 И согласились межъ собой
 Мы жребій испытать иной :
 Въ товарищи себѣ мы взяли
 Булашный ножъ да шемну ночь ;
 Забыли робости и печали ,
 А совѣсты отогнали прочь .
 Ахъ , юношь , юношь удалая !
 Жицье въ шо время было намъ ,
 Когда погибель презирая ,
 Мы все дѣлили пополамъ .
 Бывало шолько мѣсяцъ ясный
 Взойдешь и спашешь средь небесъ ,
 Изъ подземелія мы въ лѣсъ ;
 Идемъ на промыселъ опасный .
 За деревомъ сидимъ и ждемъ ;
 Идешь-ли позднею дорогой

Богатый Жидъ или убогой , —
 Все наше ! все себѣ беремъ .
 Зимой бывало въ ночь глухую
 Заложимъ пройку удалую ,
 Поемъ и свищемъ , и спрѣлой
 Лепимъ надъ сиѣжной глубиной .
 Кто не боялся нашей встрѣчи ?
 Завидѣли въ харчевнѣ свѣчи —
 Туда ! къ ворошамъ , и спучимъ ,
 Хозяйку громко вызываемъ ,
 Вошли — все даромъ : пьемъ , ъдимъ !
 И красныхъ дѣвушекъ ласкаемъ !
 И чпожъ ? понались молодцы ;
 Не долго брашья пировали ;
 Поймали нась — и кузнецы
 Насъ другъ ко другу приковали ,
 И спрѣжа ошвела въ оспрогъ .
 Я старшій былъ пятыю годами ,
 И вынести больше братца могъ .
 Въ цѣпяхъ , за душными спѣнами
 Я уцѣлѣлъ — онъ изнемогъ .
 Съ трудомъ дыша , томимъ шоскою ,
 Въ забвнныи жаркой головою
 Склоняясь къ моему плечу ,

Онъ умиралъ, швердя всечасно :
 « Миѣ душно здѣсь... я въ лѣсь хочу...
 Воды, воды !... » но я напрасно
 Спрадальцу воду подавалъ :
 Онъ снова жаждою шомился
 И градомъ пошь по немъ кашился.
 Въ немъ кровь и мысли волновалъ
 Жаръ ядовитаго недуга ;
 Ужъ онъ меня не узнавалъ
 И поминуши призывалъ
 Къ себѣ шоварища и друга.
 Онъ говорилъ : « гдѣ скрылся ты ?
 Куда свой шайный путь направилъ ?
 За чѣмъ мой братъ меня оставилъ
 Средь эшой смрадной темнощы ?
 Не онъ ли самъ опѣ мирныхъ пашенъ
 Меня въ дремучій лѣсь сманилъ,
 И ночью шамъ, могущъ и спрашень,
 Убийству первый научилъ ?
 Теперь онъ безъ меня на волѣ
 Одинъ гуляешь въ чистомъ полѣ ,
 Тяжелымъ машешь кисшинемъ
 И позабылъ въ завидной долѣ
 Онъ о шоварищѣ своемъ !... »

То снова разгорались въ немъ
 Докучной совѣсти мученья :
 Предъ нимъ шолпились привидѣнья ,
 Грозя першомъ издалека .
 Всѣхъ чаще образъ старика ,
 Давно зарѣзаннаго нами ,
 Ему на мысли приходилъ ;
 Больной , зажавъ глаза руками ,
 За старца шакъ меня молилъ :
 « Брапъ ! сжалъся надъ его слезами !
 Не рѣжь его на спарось лѣпъ . . .
 Мнѣ дряхлый крикъ его ужасенъ . . .
 Пусши его — онъ неопасенъ ;
 Въ немъ крови қапли теплой иѣпъ . . .
 Не смѣйся , брапъ , надъ сѣдинами ,
 Не мучь его . . . авось мольбами
 Смягчишь за насть онъ Божій гнѣвъ ! . . . »
 Я слушалъ , ужасъ одолѣвъ ;
 Хотѣлъ унять больнаго слезы
 И удалить пустыя грезы .
 Онъ видѣлъ пляски мершвецовъ ,
 Въ шурьму пришедшихъ изъ лѣсовъ ,
 То слышалъ ихъ ужасный шопотъ ,
 То вдругъ погони близкій шопошъ ,

И дико взглядъ его сверкаль ,
 Стояли волосы горою ,
 И весь какъ листъ онъ препешалъ .
 То мильт ужъ видѣть предъ собою
 На площадяхъ шолпы людей ,
 И страшный ходъ до мѣста казни ,
 И кнушъ , и грозныхъ палачей . . .
 Безъ чувствъ , исполненный боязни ,
 Брашъ упадалъ ко миѣ па грудь .
 Такъ проводилъ я дни и ночи ,
 Не могъ минуты ошдохнуть
 И сна не знали наши очи .
 Но молодость свое взяла :
 Вновь силы брата возвращались ,
 Болѣзнь ужасная прошла ,
 И съ нею грезы удалились .
 Воскресли мы . Тогда сильнѣй
 Взяла шоска по прежней долѣ ;
 Душа рвалась къ лѣсамъ и къ волѣ ,
 Алкала воздуха полей .
 Намъ шошень былъ и мракъ шемницы ,
 И сквозь рѣшечки свѣтъ денницы ,
 И стражи кликъ , и звонъ цѣпей ,
 И легкой шумъ залешной птицы .

По улицамъ однажды мы ,
 Въ цѣпяхъ , для городской шорьмы
 Сбирави вмѣстѣ подаянье ,
 И согласились въ шишии .
 Исполнить давнѣе желанье ;
 Рѣка шумѣла въ споронѣ ,
 Мы къ ней — и съ береговъ высокихъ
 Бухъ ! поплыли въ водахъ глубокихъ .
 Цѣпями общими гремимъ ,
 Бѣемъ волны дружными ногами ,
 Песчаныи видимъ островокъ ,
 И разсѣкая быстрый шокъ ,
 Туда спремимся . Въ слѣдъ за нами
 Кричашъ : « лови ! лови ! уйдуши ! »
 Два спрѣжа издали плывушъ ,
 Но ужъ на островъ мы спушаемъ ,
 Оковы камнемъ разбиваемъ ,
 Другъ съ друга рвемъ клочки одеждъ ,
 Ошягощенные водою . . . .
 Погоню видимъ за собою ;
 Но смѣло , полные надеждъ ,
 Сидимъ и ждемъ . Одинъ ужъ шонешъ ,
 То захлебнешся , шо заспонешъ ,
 И какъ свинецъ пошелъ ко дну .

Другой проплыл ужь глубину,
 Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ въ бродъ упрымо,
 Не внемля крику моему,
 Идешь, но въ голову ему
 Два камня полетѣли прямо —
 И хлынула на волны кровь.
 Онъ утонулъ — мы въ воду вновь;
 За нами гнашься не поспѣли,
 Мы береговъ доспичь успѣли
 И въ лѣсь ушли. Но бѣдной брашъ...
 И шрудъ и волнъ осенний хладъ
 Недавнихъ силъ его лишили:
 Опять недугъ его сломилъ;
 И злые грэзы посѣтили.
 Три дня больной не говорилъ
 И не смыкалъ очей дремошой;
 Въ чешвертый грустною заботой,
 Казалось, онъ исполненъ былъ;
 Позвалъ меня, пожалъ мнѣ руку,
 Потухшій взоръ изобразилъ
 Одолѣвающую муку;
 Рука задрогла, онъ вздохнулъ,
 И на груди моей уснулъ.

Надъ хладнымъ пѣломъ я остался,
 Три ночи съ нимъ не разставался,
 Все ждалъ, очнешся-ли мершвецъ?
 И горько плакалъ. Наконецъ
 Взялъ заспуръ; грѣшную молишу
 Надъ брашней ямой совершилъ
 И пѣло въ землю скоронилъ...
 Попомъ на прежнюю ловушку
 Пошелъ одинъ... Но прежнихъ лѣпъ
 Ужъ не дождусь: ихъ нѣшь, какъ нѣшь!
 Пры, веселые почеги,
 И наши буйные набѣги —
 Могила браша все взяла.
 Влачусь угрюмой, одинокой,
 Окаменѣль мой духъ жестокой,
 И въ сердцѣ жалостъ умерла.
 Но иногда щажу морщины:
 Минь спрашно рѣзашь спарика;
 На беззапишныя сѣдины
 Не подымается рука.
 Я помню, какъ въ шурмѣ жестокой
 Большой, въ цѣпяхъ, лишенный силъ,
 Безъ памяти въ тоскѣ глубокой
 За спарца брашъ меня молилъ. »

Цѣна 42 копѣйки.

